

утопи
свои
тайны

Реки Лжи

Течение

АНАСТАСИЯ
ГРАЕВСКАЯ

Анастасия Граевская
Реки лжи. Течение
Серия «Young Adult. Книжный
бунт. Фэнтези-детектив»
Серия «Реки лжи», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74386581

*Реки лжи. Течение:
ISBN 978-5-04-252249-9*

Аннотация

Одна из самых интригующих новинок «Чёрным-бело» в 2026 году!

Конец XIX века, пасмурный английский детектив, фольклор, призраки и семейные секреты, ироничные, язвительные герои, влюбляющие в себя с первых слов, трогательная хрупкая дружба, любовный треугольник и обречённые чувства.

По капризу отца девушка донашивает жизнь за погибшим братом. Молодой барон не может купить себе счастье и всё глубже увязает в чужих и личных грехах. А его младший брат, жертва амбиций властных родственников, едва ли управляет своей жизнью.

Их первое дело начинается с безобидной охоты на медиума, но тайны прошлого бросают тени на настоящее, и одна беда тянет за

собой другую. Героям предстоит узнать, как много в проклятии проклятия, по какую сторону зеркала живут настоящие монстры и насколько далеко человек готов пойти ради своих желаний.

Первая часть завершённого цикла нового автора Черным-бело Анастасии Граевской.

Холодные, ироничные герои, метающие шпильки чаще, чем пьющие чай. Событие, объединившее их, положит начало не только череде непростых расследований, но и хрупкой, такой нужной в тяжёлые времена дружбе.

Перед Морганой стоит трудная задача: выжить в мире мужчин, забрав личность брата-близнеца, сохранить честь семьи и не расстроить помолвку возлюбленного, с которым ей не суждено сблизиться.

Три героя расскажут о своих тяготах, проведут в таинственный мир английского фольклора и постараются выжить в хитросплетениях действительности и жестокой сказки.

Сильная героиня, что мастерски играет свою роль.

Иллюстрация на переплёте – йен.

Содержание

Исток	6
1	6
2	20
Течение	33
Дым и зеркала	33
1	33
2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анастасия Граевская

Реки лжи

Течение

© Граевская А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Исток

1

– Моргана, опасно столько смотреть на солнце.

В голосе брата, негромком и усталом, слыла печаль. Морган прекрасно видел, каким солнцем она любовалась. И отец, граф де Монфор, заметь он ее оплошность первым, нашел бы, что сказать дочери, которая прилюдно глазееет на нувориша.

Моргана опустила взгляд. Силуэт в золотистом ореоле, четко выделявшийся на фоне неба, распался красными пятнами. Солнца, впрочем, не требовалось: она всегда видела Уилберта так, словно его окружало слепящее марево. Он пытался погладить коня, а тот, чувствуя нервозность всадника, пофыркивал и перебирал ногами.

– Ты очень бледна. – Морган тоже проследил взглядом за старшим сыном барона Гримвуда. Моргане никогда не удавалось прочесть по лицу брата, что он думает об этом человеке.

– Не беспокойся.

– Уверена, что хочешь ехать? Я могу поговорить с отцом.

Моргана покачала головой. Брат едва ли обрадовался бы, узнав, к чему сводятся ее сегодняшние надежды: Уилберт

Гримвуд увезет ее в Шотландию или пристрелит, как лисицу, прямо на этой богом проклятой охоте.

– Не нужно. Но спасибо.

Кивнув близнецу, Моргана двинулась к лошади. Она едва могла дышать, и не знала, винить в этом корсет или светловолосую голову Гримвуда. Они не виделись без малого три года, а теперь он один мог спасти ее жизнь. Хотя бы то, что еще оставалось. Уилберту в декабре исполнится двадцать один, и он, если верить словам его брата, еще ни с кем не обручился. Сегодня или никогда.

Из-за недостатка воздуха у Морганы страшно кружилась голова. Амазонку из плотного бархата в последний момент подшивали прямо на ней, и платье облегалo фигуру как перчатка, к удовольствию матери и модистки, похоже позабывших, что от нее требуется не только «блистать», но и держаться в седле. Затянутая в корсет Моргана чувствовала ноющую боль в ребрах, а ног не чувствовала вовсе и передвигалась скорее по памяти, как кукла на веревочках, ведомая кукловодом.

Может, свернуть себе шею на галопе для нее было и не худшим вариантом.

– Моя дорогая! Я знаю, как ты любишь охоту, но будь осторожна и держись ближе ко мне.

Ритуал «родственная любовь» был соблюден со всем тщанием. Едва ли кто-то посторонний услышал в нежной материнской просьбе предупреждение.

Графиня в последний раз оглядела амазонку Морганы, на полдьюма поправив воротник. Парижская портниха пошила верх из темно-изумрудного бархата, чтобы каждый мог убедиться: род де Монфор по-прежнему способен выложить за наряд дочери цену, близкую к годовому доходу скромного поместья.

Моргана скверно разбиралась в деньгах, но хорошо понимала, что происходит: роскошная амазонка была из того же разряда, что вывеска над ресторацией. Отцу требовалось «показать товар лицом», и он не поскупился, оборачивая в бархат девицу, которую небеса не наделили ослепительной красотой. Единственной дочери графа красота и не требовалась: в ее жилах текла кровь, которую отец решил дорого продать своему приятелю по палате лордов и уже сговорился с лордом Глиффордом, стариком втрое старше Морганы. Право голоса в вопросах брака имели только любимые дети, а значит, в их семье подобный казус не случился бы.

Если бы отец умер в ближайшую пару лет, Морган сумел бы спасти ее. Заключил бы договор с Гримвудами – то, чего граф не допустил бы никогда. Моргана бы стала женой Уилберта, пусть даже к алтарю ей пришлось бы идти босиком по битому стеклу. Да что идти – она бежала бы туда со счастливой улыбкой.

Но в свои неполные пятьдесят отец был крепок здоровьем и, как следствие, ее ожидала куда менее приятная судьба.

«Если Уилберт не посватается, на следующей охоте пе-

перережу подпругу. Видит небо, перережу. Мне шестнадцать, пройдет два года, прежде чем сбыть меня Глиффорду станет приличным, я успею».

Дождавшись пения трубы, Моргана взлетела в седло, не забыв в последний момент перехватить юбку, чтобы ткань легла красивыми складками. Собственно, большего с нее в этот день и не требовалось.

Уилберт оседлал коня. Чего ему при его колене это стоило – знал один он да Бог в небе. Моргана видела, что Уилберт держался неестественно прямо, точно иллюстрация в учебнике этикета.

Начиналась парфорсная охота. Веселый праздник жизни, некоторым участникам которого предстояло умереть.

В морозном воздухе далеко разносились рожки, лай, смех. Все приходило в движение. Вокруг Морганы закружилось множество цветных пятен, запахов и звуков, сменяющих друг друга безо всякого порядка. Ее снова начало мутить.

Моргана до одури боялась отца, не любила скопления людей и вовсе не рвалась увидеть, что стая собак сделает с несчастной лисицей. Она слегла бы с нервной лихорадкой еще утром, но Морган предупредил, что на огонек заглянут соседи, барон Гримвуд с семьей – женой и обоими сыновьями. Не иначе граф де Монфор, однажды получивший изрядно шпилек от леди Гримвуд, решил показать новым дворянам, как развлекается настоящая – природная – знать. Ну и заодно заставил обидчицу лишний раз продемонстриро-

вать всему цвету общества покалеченного пасынка. Скорее дождь пошел бы вверх, чем чета Гримвудов, приняв такое приглашение, позволила бы Уилберту остаться дома.

Силы Морганы поддерживала лишь надежда оторваться во время охоты от матери и переговорить с Уилбертом наедине. Надежда, как она понимала, призрачная. Ей бы никогда не позволили в одиночку ускакать далеко вперед. И, даже если бы произошло чудо, она не сумела бы связать при нем и двух слов, не говоря уж о таком рискованном предложении, как выбор между венчанием в Шотландии и убийством из милосердия. Он не стал бы смеяться, но, вероятно, повезли бы ее не в Шотландию, а к специалисту по душевным болезням.

К тому же, зная амбиции барона Гримвуда, Уилберта тоже кому-то да продали бы: деньги их семейству были без надобности, а вот бедная дворянка хорошего рода сошла бы за удачную партию. Правда, у «товара» имелся видимый дефект: лет семь назад, будучи в школе, Уилберт неудачно сломал ногу. Подробностей Моргана не знала. Вышла какая-то некрасивая история, в которой фигурировал разбитый нос виконта, падение с лестницы и скверно оказанная помощь. Дело было давнее и темное, но теперь Уилберт ходил с тростью, а танцевать мог разве только в ее снах.

Моргана бросила быстрый взгляд на леди Гримвуд. Мать называла ее не иначе как «испанская холера». Моргана не вполне понимала, сколько в этом определении неприязни, и

сколько — зависти. Госпожа Пилар с ее южной красотой и в вызывающе рубиновой амазонке выделялась в толпе дам, как райская птица в стае галок. Она, несомненно, была красивой и смелой женщиной — и только. Хорошая женщина не допустила бы, чтобы ее покалеченный пасынок лез в седло на глазах у доброй сотни человек.

«Боже, ты есть в небесах. Помоги Уилберту. Помоги мне. Нам не надо многого. Я готова жить у моря и вязать сети, сама разводить огонь в очаге и сама стряпать. Готова носить лен и есть соль дважды в году...»

Моргана еще много чего пообещала бы в беззвучной молитве, обращенной к холодным осенним небесам, но тут сно-ва звонко запела труба. Кавалькада тронулась. Собаки с лаем неслись впереди. Всадники замелькали размытыми цветными пятнами. Моргана, мертвой хваткой вцепившаяся в поводья, едва дышала в корсете. Эмбер, ее лошадь, мчалась вперед, сама выбирая дорогу.

Свет, тень, яркие одежды, синее небо и серо-желтая трава сменялись в каком-то безумном хороводе. Она потеряла из вида Уилберта, мать, брата — всех, кого могла хоть как-то опознать. Сердце уже колотилось в самом горле.

«А я и вправду могу упасть».

Моргана словно очнулась, разом ощутив бьющий в лицо ветер, съехавшую на лоб шляпу, жесткие ребра корсета, тряску седла и дробь, которую выбивали из гравия аллеи копыта.

Да, она могла упасть. Это разом разрешило бы все проблемы, и, при ее трусости, другого способа их разрешить не существовало. Завалиться на бок, выпустить поводья на полном скаку – какая-то секунда. Не долгая, изнурительная и безнадежная борьба, а мгновенная вспышка отваги, за которой уже ничего нет. Собраться и разом покончить с лордом Глиффордом, с отцом и матерью, с тем, что Уилберт не отведет ее к алтарю, да и сам не дойдет туда без трости. Она не была слепой и видела, как порой трепещут ноздри его носа и какими широкими делаются зрачки. Какая ненужная легкость сохранилась в его жестах и как он ковыляет со своей тросточкой, будто цепью прикованный к проклятой палке и к земле под ней. Нет, Моргане определенно не хотелось оставаться в мире, который так жестоко обошелся с ним и с ней.

«Морган меня простит». Поменяйся они местами, Моргана бы простила.

Падать на аллее, на глазах у других охотников и так близко к поместью, конечно, было нельзя: могли успеть послать за доктором. Собаки уже унеслись далеко вперед и вырвались в поля. Там вились изгороди, и всадники шли бы не так кучно. Она могла отстать и потом не взять барьер. Мало ли леди каждый сезон расшибаются на галопе.

Едва Моргана приняла решение, ее разом оставил всякий страх. Чудовищное будущее сжалось в отрезок от пары минут до пары часов и растеряло силу. Она выпала из сложной цепи причин и следствий, долгов и платежей.

Камешек, попавший под копыта, выбил из подковы холодный звон. Моргана едва не рассмеялась в голос.

«Я только в последний раз взгляну на Уил-берта».

Осуди ее мать или весь свет, им пришлось бы приложить немалые усилия, чтобы их мнение слышали за гробом.

Эмбер, почуяв настроение всадницы, припустила быстрее. Моргана, склонившись к луке седла, всматривалась в красные рединготы и цветной калейдоскоп амазонок, словно для яркости сбрызнутый осенним солнцем и ажурной тенью листвы. Рубиново-алое, летящее впереди пятно – Пилар. Обошла всех дам и большинство мужчин, перемывать ей кости будут до Рождества, не иначе. Дочка какого-то коневода, испанка, «холера». Мачеха Уилберта была года на четыре моложе матери Морганы, а выглядела едва ли не ровесницей ее дочери.

Вторую баронессу Гримвуд женская часть светского общества ненавидела даже сильнее, чем первую. И если вина леди Дженнифер Гримвуд – матери Уилберта – сводилась к ее поразительной, поистине ангельской красоте, то Пилар уязвила дам гораздо сильнее: она смела любить жизнь и – того хуже – смела это показывать. Люби эта женщина хоть немного и своего пасынка, она стала бы кумиром Морганы. Но три года назад на обеде у де Монфоров Пилар защищала Уилберта как вещь, словно он представлял собою не слишком хорошо начищенное столовое серебро.

За тем обедом Моргана впервые в жизни разбила чашку

нарочно. Все обернулись на грохот, и вежливый обмен колкостями затих сам собой. А вечером следующего дня, когда гости отбыли и розги плавали в соляном растворе, дожидаясь своего часа, дело спасла только лихорадка, уложившая ее в постель на неделю.

Впрочем, выпори ее тогда до бесчувствия, Моргана расколотила бы ту чашку столько раз, сколько потребовалось бы для прекращения издевательства. Она не поняла, что было Уилберта больнее: завуалированные издевки графа вкупе с лицемерным сочувствием графини или полупрезрительная оборона баронессы при ледяном молчании барона. Уилберт не произнес ни слова, точно разговор взрослых шел не о нем и никак его не касался. Он совершенно механическими, неестественно точными, будто у заводной куклы взятыми движениями резал мясо на тарелке. Не дрожали ни руки, ни губы, ни ресницы и, казалось, он даже не дышал. Но Моргане почему-то запомнилось, что это было очень страшно.

Моргана сморгнула слезы, которые вышиб то ли ветер, то ли промелькнувшее воспоминание. Как хорошо, что и это не повторится. Через год Уилберт встретит совершеннолетие, и ни один человек больше не посмеет оскорбить его. Или хотя бы не сумеет сделать это безнаказанно.

Большинство всадников рассыпались по полю малыми группками и уже оторвались далеко, когда она наконец разглядела, что искала. Высокий серый гунтер, высокий всадник на нем. Уилберт не мчался лихим карьером, но явно ста-

рался не отстать совсем. На охоте, где они встретились впервые, он поступал так же, разве что держался в седле хуже. Похоже, за три года сумел как-то приспособиться к увечью.

Аллея заканчивалась, дальше лежали поля и за ними – тонущий в осеннем золоте лес. Моргана с минуту держалась позади Уилберта, потом все же обошла. Набралась храбрости, обернулась. Едва ли ей удалось послать улыбку разом прелестную и скромную, как поступали девицы в романах, но от человека, который через четверть часа ляжет на землю со сломанной шеей, много и не требовалось.

Вдруг потом, долгие годы спустя, перебирая события своей юности, Уилберт вспомнит сегодняшний день и поймет, что хотя бы однажды он встретил на своем пути любовь. Что жил под этим небом человек, для которого он, Уилберт Гримвуд, был дороже самого неба.

Моргана не увидела, ответил ли Уилберт на ее улыбку. Удивился он, смутился или разозлился – золотистый свет стирал такие несущественные детали.

Эмбер вырвалась в поля, одетые в изморозь раннего ноября. Моргана послала лошадь в карьер. Положение уже выглядело опасным – одна кротовая нора – и скачка, и без того балансирующая на грани полета и падения, прекратится. То, чего она боялась и чего ждала.

Моргана еще раз обернулась через плечо, но Уилберта уже не увидела: того скрывал подъем. Зато далеко впереди, у самой кромки леса, узнала брата и его коня. Они друг другу

подходили – оба рыжеватые и флегматичные. Морган не любил насилия и не рвался первым увидеть, как свора псов растерзает несчастную лисицу, но Моргана прекрасно слышала вчерашний выговор отца на предмет толковых и бестолковых наследников. Может, королем охоты Моргану и не стать, но граф желал видеть сына в голове кавалькады, а не плетущимся в хвосте, как хромой выродок нуворишей. Ровно эти слова он и употребил в своем родительском наставлении.

Морган скрылся в лесу. Эмбер лихо перемахнула изгородь и помчалась в сторону оврага, по дну которого летом журчал ручей. Теперь там блестела полоска тонкого ледка.

Лучшего места для осуществления своего плана Моргана бы не нашла. Но вместо того, чтобы освободить ногу из стремени, завалиться на бок и выпустить поводья, она отчего-то только вцепилась в них крепче и наклонилась вперед. Белая корка едва слышно хрустнула под копытами приземлившейся Эмбер, и лошадь оказалась на другой стороне оврага. Мелькнула седая трава, несколько рытвин, оставленных проехавшими прежде всадниками, и перед Морганой вновь открылись поле и серо-желтая, словно нарисованная акварелью на фоне синих небес стена леса.

«Я могу сделать это на обратном пути».

У нее заledenели кончики пальцев в перчатках. Как будто она совершила оплошность на глазах отца или происходит какая-то другая непоправимая катастрофа. Под ребрами кольнула вспышка боли.

«Все дело в корсете».

Моргана буквально кожей почувствовала, что нет, не в нем. Сломалось не ребро корсета, а что-то в самом мире, холодном и бескрайнем, уже почти переставшим быть ей домом.

Уилберт мог вылететь из седла. Верховая езда давалась ему с трудом, и он был слишком гордым, чтобы позволить кому-то это заметить. А спуск к оврагу был крутым.

Эмбер несла к лесу, на звонкий собачий лай и пение рожка, выющееся над полем как какая-то странная поземка. Моргана пыталась вдохнуть. Она больше не могла ни повернуть, ни даже остановить лошадь.

Трава. Солнце. Синее небо, исчерканное черным и желтым. Лесная дорожка. Все мелькало хаотично и вместе с тем подчиняясь какому-то непонятному закону, будто в быстром танце.

Отцовский окрик плетью хлестнул по ушам. Только он и привел Моргану в себя. Она, словно механическая игрушка, выполнила его команду едва ли не раньше, чем уловила ее смысл.

Остановиться.

Когда отец выволакивал ее из седла, а кто-то еще заводил Эмбер за кусты, в голове Морганы мелькали самые разные мысли. Граф видел, как она смотрела на Уилберта Гримвуда и прямо сейчас объяснит падшей девке, как больно быть таковой. Или узнал о задуманном ею самоубийстве и вколотит

в нее еще немного Божьего закона и дочерней почтительности. Или ее, как в страшной сказке, принесут в жертву лесу, прибив сердце к черной коре.

А потом она увидела взмыленную рыжую лошадь. И лицо брата – свое лицо – в жухлой траве, бледное, повернутое относительно плеч неправильно, как на рисунке начинающего художника.

Кто-то из подручных отца быстро снимал с Моргана красный редингот. Моргана подумала, что ему окажут помощь, и рванулась туда, но получила удар в солнечное сплетение. Пока ее рвало, отец вспарывал амазонку. Баснословно дорогой бархат трещал, а Моргана никак не могла сообразить, что происходит и почему брат ее не защищает, почему молчит.

До ее сознания не сразу дошло, что от лица брата осталась половина. То, что касалось травы, представляло собой сплошное месиво, лишенное черт. Нарисовали и стерли.

– Да надевай же.

Отец не кричал. Он никогда не кричал, его и так боялись больше, чем дьявола.

Моргана попыталась выполнить команду. Руки вели себя так, словно не принадлежали ей, и пуговицы редингота застегивал человек, лица которого она даже не могла узнать. Он же проводил какие-то манипуляции с ее туалетом и обувью, но в полуобморочном состоянии она понимала лишь то, что должна стоять прямо. Потом почувствовала холод стали у самого затылка.

Моргана закрыла глаза. Вот и конец.

Волосы из пучка упали на спину, и голова вдруг сделалась необычно легкой. Моргана слышала странный звук – словно пилили толстый, упругий канат – но не могла соотнести с реальностью ни его, ни осенний ветерок, бросивший ей на щеки короткие пряди.

– Сидеть. Молчать. Ни звука.

Приказа не требовалось. Горло Морганы сжал спазм, ее хватало только на то, чтобы как-то проталкивать в грудь воздух.

Они что-то делали с Морганом за кустами. Она не смотрела, не думала, не понимала и не хотела понимать.

Когда то, что осталось от брата, укутали в чей-то редингот, из-под которого торчал край изумрудной амазонки, и попытались погрузить на Эмбер, лошадь взбрыкнула.

Граф молча поднял револьвер и выстрелил ей в ухо. Та упала мгновенно, как марионетка, которой разом обрезали все веревочки. Длинные ноги еще несколько секунд рыли траву, словно на ощупь искали там что-то, потом замерли.

– Эта скотина убила мою единственную дочь. Мою горячо любимую Моргану.

В синем небе скалилось золотое солнце, в лесу звонко пел рожок.

Гон был в самом разгаре, и никто не заметил, что мир закончился.

– Человеческие чувства вам определенно чужды, не трудитесь их имитировать.

Уилберт привычно сцепил зубы. Мастерницей имитировать человеческие чувства при их полном отсутствии был не он, а нынешняя леди Гримвуд. Правда, когда столь очевидный факт был озвучен впервые, лет десять-двенадцать назад, его выдрали розгами так, что пришлось лежать пластом целую неделю и врать брату про приступ сенной лихорадки. Не то чтобы удовольствие того не стоило – ребенком Уилберт повторял фокус, пока тот не утратил шарм новизны.

Похороны не входили в список его любимых мероприятий, и в другой ситуации Уилберт бы огрызнулся, чтобы дать отцу повод оставить его дома. Представлять из себя нечто вроде кружевного зонтика, который берут с собой исключительно по капризу или крайней необходимости, конечно, было унижительно, особенно при условии, что зонтику следует вести себя хорошо. Но у лучшего друга Ламберта погибла сестра, и брат тяжело переживал. Уилберту никогда не хватило бы оптимизма считать Моргана де Монфора заодно и своим другом. У эльфского выроodka не могло быть друзей. И, конечно, никогда не было.

– Как вам будет угодно, отец.

Барон Гримвуд, услышавший это слово в свой адрес, скри-

вился, словно разом ощутил боль зубную и душевную. Нечто подобное происходило всегда, но, надо отдать должное, отец не потребовал перестать так к нему обращаться, как не требовал и раньше. Это была единственная месть, доступная Уилберту в детстве. Как он понимал, весьма и весьма жалкая.

При одном взгляде на Роберта и Уилберта Гримвудов любой человек убедился бы, что перед ним стоят кровные родственники. Пусть Уилберт представлял собой почти точную копию матери, глаза он унаследовал отцовские, фамильного серо-синего цвета. Наверное, если бы не эта деталь, барон нашел бы способ утопить его как щенка, когда Ламберту исполнилось три года. Ну или в поместье имелись высокие и крутые лестницы, которые непременно сделались бы скользкими, родись Уилберт от блуда.

Мраморной лестницы, широкой дугой спускающейся в гостиную, Уилберт перестал бояться только шесть лет назад, когда скатился с ее школьного аналога. А отец смог убедиться, что средство это на свой манер эффективное, но не вполне надежное.

– Завтра вам ни при каких обстоятельствах не следует выражать сочувствия, просто стойте и молчите. – Барон, говоря с ним, смотрел куда угодно, но только не на сына: его необыкновенно заинтересовал залитый солнцем пейзаж за окном. Уилберт делал все возможное, чтобы тоже не скосить глаза на сверкающие стекла. Они имели какой-то совершен-

но лишний объем. — Похороны испортить сложно, но у вас к таким вещам великолепный природный дар.

— Приятно услышать от вас, отец, что я не лишен хоть какого-то дарования.

Отвечая, Уилберт рефлекторно напрягся, но старался сохранить осанку. До эпизода, когда ему сначала сломали ногу одноклассники, а потом доломал бездарный коновал, неизвестно как получивший диплом врача, отец порол его так, что спина наследника Гримвудов произвела некоторый эффект даже в выдавшем виды Итоне. По сравнению с родным домом, где Уилберту могли всыпать розог исключительно для профилактики дурных манер, школа представляла собою практически курорт. Но, какие бы деньги отец ни выложил за удовольствие пристроить отпрыска в учебное заведение для сливок общества, жизни Уилберту они нисколько не облегчили. И закончилось все так, как закончилось.

Единственным светлым пятном в этой истории стало то, что больше отец ни за розги, ни за плеть не брался. Уилберт был бы рад объяснить перемену проснувшимся состраданием, однако подозревал, что дело скорее в брезгливости. Охромевшую гончую можно пристрелить, но вот лупить ее с целью как-то улучшить — уже без надобности. А барон, надо отдать должное, наказывал его исключительно из соображений воспитания — такую брезгливость на лице не подделать, Уилберт с детства все хорошо понимал. Будь его воля, к эльфскому выродку он, наверное, и не притронулся бы.

Отец не поднимал на него руки уже семь лет, но старые привычки въелись крепко. Первые несколько секунд Уилберт всегда ждал удара.

– Доброго дня.

Барон собакам своим отдавал команды более ласковым тоном. Правда Уилберт, в отличие от собак, понимал с первого раза и давно не пытался проявить симпатию.

Раньше, когда он еще мог убраться быстро, было бы просто «вон».

Отец его не любил. Эта правда просто существовала, как необходимость дыхания для людей или смена времен года. Уилберт мог сколь угодно хорошо учиться, держаться в обществе и поражать деловых партнеров барона отличным произношением на трех иностранных языках, ничего бы не изменилось. Он был нелюбимый сын от нелюбимой женщины, эдакая досадная ошибка, которую нельзя вымарать из бухгалтерской книги и на которую приходится смотреть ежедневно, много, много лет.

Эльфский выродок. Сын сумасшедшей. Внук шлюхи.

Отец увольнял слуг без рекомендаций, когда слышал только отзвуки этих сплетен, но сам, похоже, разделял мнение челяди. Уилберт и рад был сказать всем, что они лгут себе и другим, но, проходя мимо зеркал и цепляя их поверхность краем зрения, он видел нехорошие вещи.

Что-то было не в порядке с отражением, а вернее – с ним самим.

Коротко кивнув отцу, он вышел в коридор. Пилар грациозно плыла ему навстречу, шурша фламандскими кружевами утреннего платья. Эта тварь умела идеально подкрашивать седину, но вид пудры, набившейся в крохотные морщинки в уголках ее глаз, доставил Уилберту истинное удовольствие. Раньше дома она обходилась без макияжа.

– Прекрасная погода для прогулки, – промурлыкала Пилар.

При звуках мягкого голоса, еще более смягченного едва заметным испанским акцентом, Уилберта, как всегда, прошила ненависть. Буквально физически, словно ему на спину под рубашку плеснули кипяток. Он жил под одной крышей с этой тварью без малого пятнадцать лет, пора было привыкнуть, тем более что шпильки Пилар не отличались впечатляющим разнообразием или остроумием. Но каждый раз почему-то попадали в цель.

Уилберт выждал пару секунд, прежде чем ровно ответить: – А вы прекрасно выглядите, мадам.

«Мадам» в свое время тоже стоило ему немало шрамов, но от такого удовольствия не отказываются.

На следующий день Моргану хоронили под проливным дождем, в закрытом гробу. Шептались, что лошадь, сбросив ее, проволокла девушку по земле несколько десятков ярдов. Уилберту хотелось свернуть шеи охотникам до таких обсуждений. Моргане едва сравнялось шестнадцать, и то, что про-

изошло, было ужасно и без всех этих подробностей, пересказываемых с плохо скрываемым удовольствием.

Ламберт стоял рядом, с трудом сдерживая слезы. Брат отличался добрым сердцем и присутствовал на похоронах впервые. Уилберт же в пять лет успел схоронить мать и обладал до отвращения хорошей памятью. Его мысли носились от этого дождливого ветреного дня к тому, другому, и он почти не слышал бормотания священника. Промысел, прощение, встреча за гробом... Церковь была единственной организацией, которой годами и веками платили за обещания.

Уилберт вспомнил короткий взгляд Морганы, когда та обогнала его на самом выезде из аллеи. Он был слишком занят попытками удержаться в седле на галопе, чтобы суметь разобрать выражения ее лица. По большей части это было даже не зрительное впечатление, а ощущение, будто его вдруг погладили.

Моргана, надо признать, умела поставить в тупик.

Он впервые встретил ее тринадцатилетней, и уже тогда эта молчаливая девочка почему-то хотела его защищать. Она была умнее Ламберта, который за тем обедом ничего не понял, и смелее его самого, который понял все, но не решился этого прекратить. Демонстративно колотить посуду следовало ему, а не Моргане, которая сама тряслась как лист. Наверное, это называлось «мужеством отчаяния». Уилберт читал о нем в книгах, но сам не обладал таким качеством.

Он предпочитал как можно реже мысленно возвращаться

к тому дню. Впервые Уилберт попытался покончить с собой в семь лет, ребенком запертый в комнате во время ночной грозы. Во второй – уже вполне холодно и осознанно – в тринадцать, когда понял, что ходить как человек больше не сможет, и тогда ему почти удалось. В семнадцать, после званого обеда у Монфоров, он предпринял бы третью попытку, наверняка успешную, но Моргана помешала этим планам осуществиться.

Едва ли на охоте она обернулась из удовольствия показать, как легко ей удалось вырваться вперед. Все произошло быстро, и Уилберт даже не успел окликнуть Моргану. Что она собиралась ему сказать? Знала что-то? Прощалась?

Не могла же она хотеть умереть. Хотя, если внимательно посмотреть на графа де Монфора, пожалуй, могла.

Три года назад, за пару часов до того самого проклятого обеда, на выходе из графской конюшни Уилберт буквально затылком почувствовал, что кто-то смотрит ему вслед, и обернулся. Те несколько секунд, которые Моргана стояла в полутьме, прежде чем окончательно шмыгнуть во мрак, он – совершенно опешивший – чуть ли не грелся под ее взглядом. В нем не было того безусловного осуждения, которым его щедро окатывал остальной мир. Словно бы Моргана не считала его выродком. Семнадцатилетний Уилберт впервые покраснел от какого-то странного чувства, напоминающего стыд. И позже задумался над невообразимой ранее вещью: а может ли хромоногое эльфское отродье нравиться девуш-

кам? Мысли мгновенно понесли его к дочери соседа по имени, Анне Блэкмур, и встретившийся по дороге отец посоветовал ему стереть улыбку, джентльмену не подобающую. «При вашем лице и статусе». Спасибо, хоть про ногу не напомнил, будто Уилберт не видел в зеркале своего лица и не был осведомлен о своем статусе. Одноклассники ему все отлично рассказали, а потом и показали. Ему, конечно, удалось своротить пару носов, а одному даже сломать руку, но с лестницы скатился он, и калекой тоже остался он.

Священник наконец прекратил бубнить. Уилберт перевел взгляд на гроб.

Чего бы ни обещала церковь, земная любовь кончалась землей. Только ненависть давала плоды и цвела несколько поколений, как плесень в темном погребе. Все хорошее и чистое, что было в этом мире, стремилось отсюда уйти. Он закрыл глаза и как наяву увидел мать, белую, белее атласной обивки гроба. За час до смерти у нее пошла горлом кровь, и она потеряла ее так много, что румяна уже не могли помочь.

Во время прощальной церемонии леди Гримвуд лежала в открытом гробу. Отец не отказался от удовольствия в последний раз выставить на всеобщее обозрение свой лучший трофей: первую красавицу Лондона, которая из всего обилия поклонников предпочла выскочку, чей дед купил титул и полуразвалившийся дом, ныне гордо именуемый поместьем. «Союз небесного ангела и несгораемого сейфа», – шутили об их браке. Уилберт лучше всех на свете знал, как мало смеш-

ного вышло из этой истории.

Ангел продержалась меньше семи лет. К последнему году только служанка, вовремя сообразившая, что происходит неладное, сумела вырвать из рук ангела ножницы. Отец сделал матери замечание на предмет недостаточно широкой улыбки, а она очень его любила и каждое слово воспринимала предельно серьезно.

Уилберт вздрогнул и распахнул глаза. Роскошная крышка гроба из красного дерева. Даже похороны дочери граф де Монфор превратил в ярмарку тщеславия. А она лежала под вензелями и белыми розами, совсем одна. Он был рад, что не видит мертвого лица Морганы.

Или все же видел. Морган де Монфор – страшноватая, до синевы бледная копия сестры – смотрел на него, не мигая. Он стоял довольно близко, и Уилберт разглядел широченные зрачки, почти затопившие светло-серую радужку. В глазах графского сына стояло что-то глубоко болезненное.

Уилберт дернул щекой и отвернулся. Взгляд Моргана он чувствовал как крик, бьющий в уши. И ему очень хотелось, чтобы взгляд наконец замолчал. Здесь находилось порядочно людей, и пялиться именно на него было вовсе не обязательно. Он ровно так же не мог ничем помочь Моргану, как и все остальные.

Гроб оторвали от земли и медленно понесли в семейный склеп. Ноги носильщиков проваливались в размокшую от дождя почву, мерзко хлопало. Священник вновь забор-

мotal что-то пустое и скучное, как повторяющийся сон, где бегаешь от двери к двери, и за каждой – глухая кирпичная кладка.

Уилберт из-под ресниц оглядел толпу. Конечно, из господ плакал один Ламберт. Морган наконец перестал на него смотреть. Ему сделалось настолько дурно, что кто-то из мужчин взял наследника под руку и повел прочь. Того шатало, как пьяного, и он едва передвигал ноги.

Впрочем, если бы умер Ламберт, он, Уилберт, наверное, лег бы на гроб, как собака, и там бы издох. Удивляться настоящему горю не следовало, пусть они и жили в мире, где батистовые платочки подносили к сухим глазам, а испанские ведьмы заказывали траурные наряды у самых модных портных.

Уилберт смотрел вслед удаляющейся процессии.

«Бедная Моргана».

«Видишь все и ничего не замечаешь. Бедной Моргане стерли лицо».

Он, вздрогнув, обернулся в поисках острослова, который посмел так пошутить. А потом понял, что никто их не нагнал и рядом с ним стоит лишь Ламберт, усиленно изображающий, что глаза у него слезятся от ветра.

– Пойдем, пока отец нас не потерял, – прошептал брат.

«Нас». Ламберт всегда был к нему добр.

– Идем.

– Ты видел Моргана?

– Глаза у меня, как ты мог заметить, есть. Причем исправный комплект.

– С Морганом что-то неладно. Он ни слова не сказал за все похороны.

Уилберт кивком показал на удаляющуюся толпу и дорожку, ведущую к склепу. Он мог бы спросить, а что вообще «ладно» в месте, где только что похоронили девушку в цвете лет, но Ламберт к шестнадцати годам сумел сохранить повадки ласкового щенка, готового обожать все кругом, и просто не понял бы. У них было пять лет разницы, и целая пропасть, разделяющая тех, кто всеми любим и любит сам, и тех, кто напрасно оказался в этом мире. Туда, где жил его брат, слова Уилберта не долетали.

Может, оно и к лучшему. Уилберт понятия не имел, была ли непреклонная враждебность реальности естественной константой, существующей для всех, или сводилась к происходящему в его разуме, а значит, возможному наследственному безумию.

– Как скажешь, ты знаешь его лучше. Это твой друг, а не мой.

– Он был бы рад и с тобой дружить.

– О да, я, бесспорно, приятный собеседник и к тому же прекрасный партнер по лаун-теннису.

Ламберт упрямо боднул воздух головой, но так ничего и не ответил.

На своих похоронах Моргана продрогла до костей. Она надеялась, что подхватит простуду и та перейдет в воспаление легких, которое убьет ее в пару недель. И делала для этого все, что было в ее силах, жадно глотая холодный воздух.

Но то бесконечное одиночество, в которое погрузилась ее жизнь, по-видимому, уважали даже болезни и смерть. Они не приходили, сколько она потом ни прижималась лбом к холодным стеклам и ни дышала у раскрытых оконных створок.

На больший протест ее смелости не хватало. Да и отец позаботился, чтобы окна в ее спальне – бывшей спальне Моргана – зимой заколотили намертво, оставив крохотную форточку. Она сутки напролет сидела в этом гробу, спускаясь лишь тогда, когда отец требовал спуститься. Очень много курила. Граф сказал, что, если она не посадит голос до весны, он решит проблему при помощи кислоты или щелочи. Зная его, Моргана ни секунды не сомневалась, что так и случится.

Пока голос не сделается низким, ей запрещалось разговаривать на людях. Даже со слугами.

Осень перешла в зиму, а потом белое безмолвие сожрало пространство за окнами и само время. Серые ночи были немногим темнее, чем серые дни. Моргана не знала, подслушивает ли отец ее сны, поэтому на всякий случай перестала говорить даже в них. Просила у Моргана прощения за то, что

взяла его лицо и имя, выводя слова на зеркале.

В середине марта Морган с той стороны написал, что не в обиде.

Течение

Дым и зеркала

1

Восемь лет спустя

– Морган, прошу, тебе ничего не стоит позевать с нами час-другой.

– Не притворяйся, что тебе понятна концепция стоимости, Ламберт.

Моргана по привычке говорила тихо и смотрела чуть выше глаз собеседника. То, что восемь лет назад было преступлением ее отца, стало ее преступлением. Ублюдок гнил в могиле четвертый год и, раз уж она не нашла в себе сил сразу пойти в Скотленд-Ярд и сознаться в обмане, она была соучастницей, а не только жертвой.

– Ну, прошу, на пару вечеров.

– Ламберт, спиритуализм – это химера.

Вот уж о чем Моргана была осведомлена лучше всех на свете. Морган был рядом с ней ежечасно, и для этого не требовалось вызывать экстрасенсов и прочих специалистов по вращению столов и тарелочек.

– Да не в спиритуализме дело. Если ты там покажешься, то и Берти будет прилично прийти. А вечер организует наша подруга детства. Он обрадуется возможности вспомнить старые времена...

«Так пусть пригласит Анну Блэкмур на чашку мышьяка. Этот фэйф-о-клок я готова проспонсировать и даже сама сервирую стол».

– Твоему брату прилично прийти в любое место, которое он сочтет приличным. По-видимому, он того же мнения об этом «оккультном сообществе», что и я.

– Почему ты отказываешься? – Ламберт смотрел на нее взглядом доброй и умной собаки, которая не понимала, по-

чему с ней отказываются играть. Карие глаза, предельно разнившиеся с сине-серыми и холодными, как осень, глазами брата, прекрасно для этого подходили.

«Потому что в день его свадьбы я приду в церковь и вышибу мозги сперва невесте, а потом себе, вот будет веселье в покойницкой!»

– Потому что в богоспасаемом Лондоне больше сотни клубов и салонов на любой вкус и кошелек. И вовсе не очевидно, почему мне следует посетить непременно этот и непременно завтра.

– Морган, ну я прошу тебя, один раз.

«Каждый выход в свет – потенциальный риск. А уж выпишут мне билет в Пентонвилл или в Бедлам – это как повезет, дядюшка последнюю сорочку продаст, лишь бы я поскорее свернула шею и не мешала передаче титула и земель».

– Почему твой брат не пойдет, раз хочет?

– Партнеры по Сити не поймут. Ты себе представить не можешь, с какими занудами Берти вынужден водиться.

«Я бы тоже не стала иметь дела с судоходной компанией, владелец которой верит в каких-то фантомов помимо банковских процентов да духа честной коммерции».

Идея посетить очередное то ли спиритическое, то ли спиритуалистическое собрание, на сей раз патронируемое самим бароном Блэкмуром, не вызывала у Морганьки ни малейшего энтузиазма. Но Ламберт, ее единственный друг, по счастью достаточно слепой, чтобы не заметить, как он пере-

шел по наследству, заслуживал некоторого внимания к своим просьбам. Если бы это дело не способствовало возможному сближению Уилберта и Анны Блэкмур, Моргану бы и минуту не пришлось бы уговаривать. Однако самой ковать цепь, на другом конце которой могли зазвенеть свадебные колокола барона Гримвуда, — нет. В ночных кошмарах она и без того их слышала.

Золотой свет вокруг Уилберта так и не потускнел. Пожалуй, этот свет да брат в отражениях и составляли все постоянное в ее существовании, которое Моргана жизнью бы не назвала. Но кое-какие контуры за сиянием она уже различала, и хорошего там было мало. Барон Гримвуд-старший опочил в мире, едва Уилберту исполнилось двадцать четыре. На оглашении его последней воли случился скандал настолько громкий, что эхо, преодолев стены загородного особняка, достигло столичных гостиных и газет средней руки. Все состояние отходило старшему сыну, а младшие дети и вторая жена барона не удостоились и строчки в завещании. Войдя в права наследства, Уилберт выделил им достойное содержание. Пилар, имевшая собственный капитал в Испании, гневно отказалась, разругалась с пасынком, едва ли не публично обвинив его в подлоге, и демонстративно покинула Гримвуд, забрав с собой несовершеннолетних на тот момент сына и дочь. Уилберт, в его годы оставшийся один в огромном особняке и при огромном состоянии, не закутил и не зачастил в Лондон, а продолжил кропотливо вести дела отцов-

ской судоходной компании. По крупичкам собирал и без того немногочисленные связи (факт купленного меньше века назад титула и торговая стезя прадеда давали о себе знать), исправно посещал сессии парламента. Уилберт как будто еще надеялся сдать экзамен по дисциплине «социальный успех», и Моргане оставалось только догадываться, папеньку какой из местных девиц он готовится встретить в роли сурового экзаменатора.

Ненавидела она на всякий случай всех, а Анну Блэкмур — особенно сильно. Они были ровесницы, и мысль, что та уже года четыре как могла осчастливить какого-нибудь обладателя титула и кошелька, но все чего-то ждала, Моргану нервировала. Дворянину лишь в третьем поколении единственная дочь барона старой фамилии не досталась бы, но папенька, как показывала практика, мог и умереть, а потом Анну едва ли остановили бы светские условности. Моргану на ее месте точно не остановили бы.

Отец здорово над ней посмеялся. Даже после его смерти она не могла распорядиться своей судьбой так, как хотела. Прийти к Уилберту и сказать: «Меня восемь лет заставляли танцевать мужские партии на балах и посещать джентельменские клубы, не говоря уже о том, что ваш брат таскал меня по борделям, я курю и вижу призрака, но я буду вам хорошей женой»? С тем же успехом она могла повеситься на дереве перед его окнами. Это, по крайней мере, избавило бы ее от лишнего позора.

– Морган, ну пожалуйста, – напомнил о своем присутствии Ламберт.

Моргана подошла к окну. Стоял конец осени, приближался сезон туманов. В мареве по ту сторону светло-серого было еще больше, чем бурого, но ждать оставалось недолго. После того, как ее год держали в заколоченной комнате, точно животное, Моргана ненавидела ставни, шторы и прочие драпировки. По счастью, денег, полученных ею после смерти отца, хватило бы, чтобы застеклить весь Лондон и мыть окна трижды в день до второго пришествия Спасителя. В идеально вычищенных стеклах она видела грустного брата. Морган, конечно, хотел бы, чтобы она помогла Ламберту: это был его единственный друг.

– Берти дурно заводит связи, ты знаешь. Но человек он не дурной.

И еще одна деталь за золотым ореолом. К двадцати восьми годам по количеству только известных ей дуэлей Уилберт мог бы составить достойную конкуренцию профессиональному бретеру. Моргана даже однажды выступала его секундантом, когда Ламберт тяжело болел. То, что она увидела, ей не понравилось: Уилберт, имевший право на первый выстрел, хладнокровно отстрелил своему визави правую кисть вместе с револьвером. Выражение лица у него было ровно как в день, когда над столом де Монфоров летали шпильки. Только теперь вокруг вовсе не шпильки летали, и Моргана боялась, что однажды Уилберт доиграется.

– Ладно, завтра вечером я туда заеду. И не думай уговаривать меня бывать там часто, – не оборачиваясь, сказала Моргана.

– Но...

– Я не белое вино, чтобы подавать меня к рыбе, когда хозяевам застолья это угодно или когда наступает перемена блюд.

Ламберт в отражении пожал плечами. Он обладал легким нравом и многое спускал тем, кого считал близкими. Не иначе, прошел выучку у Уилберта. Моргана старалась общаться со старшим Гримвудом реже по двум причинам: боялась себя выдать и боялась услышать нечто такое, из-за чего придется прогуляться «на пленэр». С годами характер Уилберта, если посмотреть правде в глаза, лучше не становился. Дело могло быть в ноге, которая, конечно, болела. Или Моргана просто ошиблась с объектом приложения своих светлых чувств. Поправить первое и второе было равно невозможно.

– Ты проследишь, чтобы твой брат не оставался наедине с Анной Блэкмур и не вел с ней долгих бесед.

Ламберт удивленно поднял брови:

– Ты... Да неужели... Я и подумать не мог, что ты так ею увлечен...

Моргана искренне надеялась, что ненависть, перекосившую ее лицо, в оконном отражении можно было принять за пароксизм отчаянья или страсти.

– Не удивлюсь, если однажды я из-за нее застрелюсь.

Вот уж где была чистая правда.

Ламберт с четверть часа призывал всех святых в свидетели, что никогда не допустит подобного, и обязался стойко принять любые кары небесные, если только он позволит брату любезничать с Анной лишнюю минуту. Да и вообще они друзья детства и Морган выдумывает трагедию на пустом месте. Моргане пришлось трижды отказаться от предложения пойти к актрисам и еще раз пять подтвердить свое намерение не сводить счеты с жизнью, прежде чем обеспокоенный друг ушел.

Она стояла и смотрела в туман. Брат смотрел в комнату, на затухающее пламя камина. Тоска в его взгляде ясно говорила, что с той стороны нет ни тепла, ни света.

«А все-таки я ее очень ненавижу». – «Смертный грех».

Угроза попасть в ад сработала бы лучше, если бы Моргана не жила в аду всю сознательную жизнь.

Она прижалась к холодному стеклу и почувствовала на своем лбу еще более холодные губы.

Анна Блэкмур, что ни говори, была хороша. Ее красота навевала мысли скорее о породистой лошади, чем о греческой нимфе, но о лошади чрезвычайно холеной и лощенной. При виде блестящих темных кудрей и карих глаз, опущенных каким-то невероятным количеством ресниц, Моргану буквально начинало трясти. Куда уж ей, бледной, рыжеватой, с припудренными веснушками и глазами такими светлыми,

что серыми или голубыми их назвал бы лишь очень снисходительный человек, тягаться с такой победительной прелестью. Она в обычные-то дни здоровым цветом лица не блистала, а рядом с Анной, наверное, становилась похожей на труп.

Моргана хотела бы думать, что красота и какое-то физически ощутимое здоровье – вот и все, чем небеса наградили девушку Блэкмур, но это все же не соответствовало действительности. Единственная – и, что важнее, любимая – дочь барона получила недурное воспитание и образование, далеко выходящее за рамки обязательного для девушки их круга. Моргане повезло разве что учиться по мужской программе, но и Анна не ограничилась курсом домоводства да игры на фортепиано. И, надо отдать должное, она не была вульгарна. Если бы каким-то чудом Моргане пришлось вступить с Анной в честное соревнование, кроме титула и родословной, крыть ей было бы нечем.

– Леди Блэкмур.

– Граф де Монфор.

Моргана старательно приучала себя смотреть на девушку Блэкмур как на квинтал затянутого в бархат мяса, хотя и понимала, насколько это несправедливо. Красивая, веселая, уверенная в себе, та стала бы ей подругой, не дели они одного мужчину. Моргана едва пожала протянутую руку в элегантной перчатке, стараясь завершить движение быстрее. Она каждый раз боялась, что Анна заметит, как «графа де Мон-

фора» трясет в ее присутствии. Ламберт, вошедший следом, цвел в улыбке куда более искренней, чем стоили мероприятие и компания.

Комнаты, нанятые для встречи с призраками, выглядели хорошо. О публике Моргана бы этого не сказала. Без пять минут «смешанное общество». Младшие сыновья, два-три вышедших в тираж политика, несколько вдов с репутацией на самой грани скандала. Не было ничего удивительного, что Анна заказала к ужину барона Гримвуда, способного одним взглядом присыпать всю эту пеструю толпу белым снегом. И, конечно, графа де Монфора, придающего мероприятию пристойный вид. В газетном отчете ее фамилия, без сомнений, возглавляла бы список приглашенных.

Маменьки девиц на выданье осаждали бы Моргану, даже если бы она увела из Лондонского зоопарка орангутанга и станцевала бы с ним на Пикадилли, но беззастенчивое использование имени коробило. Хотя, конечно, дело было просто в ненависти. Если бы магия старой фамилии потребовалась любому из Гримвудов, Моргана без лишних вопросов сделала бы практически что угодно.

«Анна смертна. И чем ближе я к ней, тем ближе она к смерти».

Насчет свойств собственной натуры Моргана давно не заблуждалась. Она лгала большую часть сознательной жизни. Застрелила на дуэли человека лишь за глупость, сказанную не в той компании. Будь на ее месте Морган, брат нашел бы

способ «не услышать» или «не понять», а Моргана понимала только то, что на нее смотрит Уилберт и сейчас она или убьет человека, или перейдет в категорию трусов. Перспектива встретить презрительный сине-серый взгляд напугала ее сильнее, чем необходимость подставить лоб под пулю не последнего стрелка Лондона. И она убила, чем здорово озадачила – а может, и разочаровала – Ламберта, ожидавшего красивого выстрела в воздух. Поединок был короткий, меньше минуты, а потом Моргана лежала пластом неделю, не в силах даже поесть. И, конечно, до сих пор делала все возможное, чтобы не пересекаться с родственниками лорда Эндрю Гриффитса, хотя тот вряд ли ставил их в известность, когда и с кем дерется. Иногда она совершенно серьезно обдумывала, кого бы подкупить, чтобы организовать для Анны Блэкмур чудовищный скандал. И, пожалуй, ее останавливало только опасение, что такая девица без деятельной помощи не утопится, а Уилберт может вдруг взять да и переступить через общественные условности ради любви, когда папеньке Анны станет уже не до вдумчивого выбора женихов.

Отец сделал из Морганы тень Моргана, но то были обстоятельства непреодолимой силы, вроде стихийного бедствия. Лгуньей, убийцей и человеком, который задыхается от ненависти, она стала сама. Ее боялась даже родная мать, после смерти супруга решившая уединиться в отдаленном поместье, лишь бы не находиться под одной крышей с «графом».

Тем лучше было для них обеих. Графиня позволила мужу

похоронить сына в дамском платье, а потом четыре года молча смотрела, как в ад катится ее дочь. Моргана не особенно опасалась, что мать свяжется с нотариусом и расскажет ему некоторые пикантные подробности, если почувствует угрозу. Безопасность вдовствующей графини скорее гарантировало отвращение, через которое она не могла переступить.

Перед отъездом в Эшфорд мать скреблась к ней в кабинет, словно надеялась, что в мире существуют слова, способные перечеркнуть четыре года молчаливого согласия с происходящим. Моргана не открыла. Дочь леди Элизабет де Монфор была мертва, ее «сын» в ней не нуждался.

Если бы мать по ту сторону двери зарыдала и сказала, что боялась отца все это время так же, как и Моргана, и так же, как и Моргана, не могла ничего сделать, не имела достаточно воли, чтобы связаться с нотариусом или своей родней, возможно, что-то бы изменилось. Но та ушла почти сразу, даже не повздыхав для приличия. А вскоре покинула поместье.

Моргана написала Уилберту длинное письмо, выплеснув на бумагу всю печальную правду последних четырех лет, а с ней – бесполезную любовь и крик о помощи. Перечитав, представила скандал, который разразится после огласки. Злорадство, с которым общество захлопнет двери перед обоими Гримвудами: братья поддерживали с ней отношения и ничего не поняли. Ее – стараниями дяди, конечно, – упекут в Бедлам, если лауданумом не отравят. Даже при таком раскладе она, возможно, нуждалась в правде, но вот Уилберт в

ней точно не нуждался. Его дела только-только наладились. Отец оставил сыну скверное наследство по части связей и репутации, и тот старался как мог, доказывая, что достаточно хорош для общества, в котором хотел вращаться. Он, видит бог, был много лучше, чем требовалось. И все это могло разбиться о чужие грехи четырехлетней давности. О женщину, которую он не любил, а после таких фокусов мог и возненавидеть. Она годами его обманывала и, что хуже, ей это хорошо удавалось.

Моргана спалила письмо в камине и впервые в жизни напилась.

Ей едва исполнилось двадцать, и в самом начале – несколько месяцев – она надеялась, что Уилберт поймет сам. Не то чтобы она смотрела на него печальными глазами – она лишний раз избегала на него смотреть, – но нельзя же не заметить, когда ты так кому-то нужен!

Как оказалось, можно. Уилберт на три месяца уехал в Индию по делам фирмы, потом вернулся, потом снова уехал и вернулся, и в этих всполохах надежд и их крушении прошло полтора года. Моргана наконец признала, что чуда не произойдет – поняла она это куда раньше. Уилберт видел все и ничего не замечал. Он имел достаточно гордости или порядочности, чтобы не использовать друга своего брата на манер отмычки, открывающей нужные двери, но едва ли Моргана была для него чем-то большим, чем полезное знакомство. Ламберт метался между ними, как добрая собака, не пони-

мая природы происходящего. Уилберт, надо думать, тоже не понимал, но инстинктивно держался любезно и отстраненно, на какие-то полградуса теплее, чем со всеми прочими аристократами старой крови.

Едва ли здесь что-то могло измениться.

На прием Уилберт явился с опозданием в полчаса. Скорее всего, не имел желания оказаться в гуще событий и здороваться с большинством присутствующих. Будь его воля, наверное, проскользнул бы в зал и уселся в темном углу, как паук. Но он был слишком хорошо воспитан для таких фокусов.

– Лорд Гримвуд, наконец-то! Мы вас ждали.

Даже настолько избитое кокетство хозяйка вечера произнесла так, что у Морганы, привычной к любой лжи, свело зубы. Надо признать, в голосе Анны, мягко пожурившей гостя, звучала едва прикрытая радость. Всякий человек, который захотел бы увидеть в ее приветствии искреннее расположение, увидел бы его.

Уилберт поклонился:

– Примите мои извинения, леди Блэкмур. Благодарю за приглашение.

Моргана была уверена, что приглашению в спиритический кружок Уилберт был рад как петле на шею, и Анну он благодарил скорее за удовольствие ее увидеть.

Та, одарив его улыбкой, уплыла к другим гостям. Не иначе бдительный папочка курсировал поблизости.

Анна Блэкмур, конечно, не пригласила на мероприятие девиц, разменявших менее чем четвертый десяток, так что ласточки, не обремененные узами Гименея, вокруг Гримвудов не увивались. У старшего имелись титул и капитал, у младшего — открытое лицо и быющее через край обаяние, а потому маменьки обычно осаждали Уилберта в то время, как дочери поглядывали на Ламберта. Но Анна не оставила им ни шанса.

Уилберт, надо отдать ему должное, не провожал Анну взглядом и не пытался говорить с ней дольше положенного. Но Моргана, которая сама старалась не смотреть на него без необходимости, понимала всю хрупкость надежд, порождаемых этим наблюдением.

В обществе этой женщины Уилберт не то чтобы расцветал, лучился счастьем или хотя бы делал более приятное выражение лица, но из его жестов пропадала обычная напряженность, готовность к атаке и обороне. Милым и располагающим человеком он от этого, конечно, не становился.

Моргана была практически уверена, что, раз все гости, представлявшие интерес для хозяйки, собрались, прозвучит приглашение сесть за стол, куда своевременно пригонят какую-нибудь ангажированную знаменитость из духовидцев, медиумов и прочих шарлатанов потустороннего профиля. Но, к ее бесконечному удивлению, Анна жестом попросила Моргану подойти. Рядом с ней уже стоял Ламберт, а Уилберт, похоже, свидетельствовал почтение барону Блэкмуру.

Моргана окинула отца Анны быстрым взглядом. Несколько располневший из-за возраста, но сохранивший превосходную осанку джентльмен. По лицу барона, как и по лицу его дочери, никогда нельзя было сказать, о чем он думает и беспокоит ли его что-то. С их последней встречи – два месяца назад – в черных волосах Блэкмура разве что прибавилось немного седины. Моргану мало беспокоила его судьба, но жить барону следовало как можно дольше.

– Джентльмены, причина, по которой я вас сюда пригласил, несколько деликатного свойства, – спокойным, хорошо поставленным голосом сообщил им Блэкмур, убедившись, что прочие гости заняты друг другом или закусками. – Если вам угодно выслушать ее, давайте проследуем в кабинет.

«Причину» в данном случае, очевидно, следовало заметить на «просьбу». Моргана даже отдаленно не могла представить, услугу какого рода она могла бы оказать Блэкмуру, и еще в меньшей степени собиралась ее оказывать, но оба Гримвуда кивнули. Младший – быстро и с энтузиазмом, старший – чуть помедлив, но твердо. Это, увы, решало дело.

– Премного благодарю.

«Опасно. Чертовски опасно».

В импровизированном кабинете – таковым его делал только добротный письменный стол и парочка стульев – Блэкмур уселся и кивнул им:

– Прошу простить пожилому человеку некоторые вольности. Моя просьба не отнимет много времени. Видите ли,

джентльмены, не предположил бы, что на склоне лет займусь призраками...

«Как раз на склоне лет ими обыкновенно и занимаются. Или на заре самой нежной юности», – неприязненно подумала Моргана. Не происходило ничего жуткого, но волосы на ее затылке приподнялись.

«Моргана, не лезь в это. Ничего здесь нет, только гниль, плесень и скрежет».

Моргану передернуло. Прошло много лет, а она так и не набралась смелости спросить брата, что же там скрежещет.

– Займусь призраками или шарлатанами, – закончил Блэкмур.

– Что неприятно в равной степени. Одни приносят беспокойство своим несуществованием, а другие – существованием. В чем конкретно состоит проблема, господин барон?

Уилберт говорил спокойно и не смотрел на Анну, благо-разумно занявшую удобную позицию, чтобы легко выпорхнуть к гостям, но его готовность помочь Блэкмурам Моргана буквально чувствовала.

Он терпеть не мог эту оккультную белиберду и уж тем более не стал бы по доброй воле бегать за преступниками – на то имелась полиция. Да и Моргане не пристало воровать лавры местных бобби или каких-нибудь докторов Мефисто, специалистов по инвольтации и жизни после смерти. Лучше всего было бы выйти, сообщив, что ни призраки, ни шарлатаны не являются их профилем и с проблемами подобного

толку уместнее обратиться в Скотленд-Ярд, чем к порядочным джентльменам. Да Блэкмур и сам не мог этого не понимать.

Провалиться Моргане на месте, если барон не вел охоту на женихов. А почему бы, собственно, и нет. Маменьки, которая обставила бы дело с большим тактом и тонкостью, Анна лишилась в далеком детстве.

«Мог ли Блэкмур прогореть настолько, чтобы рассматривать кандидатуру Уилберта?»

Моргана не помнила никаких слухов о том, что состояние барона пострадало. Следовало немедленно навести справки. Впрочем, если он и начал по каким-то своим причинам обдумывать вариант с Гримвудом, метил он, несомненно, в де Монфора. Выбор между удачным с точки зрения светских приличий замужеством и компромиссом, который мезальянсом не назвал бы только снисходительный человек, был очевиден.

У Морганы похолодели кончики пальцев. До этого дня она не думала, что ее ужимки при встречах с Анной будут истолкованы именно так. Скорее всего, и Уилберту это в голову не приходило, а теперь могло прийти.

«Если я выйду из игры, Блэкмур оставит надежду на крупную рыбу. Нельзя отказываться, пока я не буду знать, что у него с доходами и долгами».

– Вы не могли бы рассказать об этом призраке или шарлатане подробнее? – Моргана не узнала бы собственного го-

лоса, услышь она его со стороны.

Блэкмур, убедившись, что трое джентльменов единодушны в готовности его выслушать, кивнул.

– Леди Мэри Уоррен, близкая подруга моей покойной жены, обратилась ко мне с деликатной просьбой. Я не сомневаюсь в вашей скромности, господа, поскольку вопрос в некотором роде затрагивает доброе имя дамы.

На «добром имени дамы» Моргана мысленно покривилась. Леди Уоррен, злобная ханжа каких поискать, едва ли заслуживала чьей-то скромности. Если бы путь этой праведницы в рай лежал по мосту через реку, кишашую крокодилами, она рванулась бы к воротам, по дороге старательно спихивая всех ближних в воду. Учитывая, с каким сладострастием дама бичевала пороки, она рассчитывала гулять по райским кущам в одиночку, не иначе.

– Ее сын с женой отправились в путешествие на континент, они вернутся не ранее чем через два месяца, под Рождество. Теодор, как вы, возможно, знаете, невысокого мнения о любых экстрасенсах и медиумах и запрещает подобным людям переступать порог их дома. Они уехали в конце мая, в июне леди Уоррен пригласила доктора Беррини.

Уилберт беззвучно фыркнул, как сердитый кот. Моргана тоже не отказалась бы узнать, в каком университете названный «доктор» получил свой диплом. Не иначе Вельзевул и Аббадон самолично экзамены принимали.

– Сеанс прошел без каких-либо происшествий. Но леди

Мэри считает, что Беррини подавил волю одной из ее служанок. Через три недели, когда медиум уже уезжал из Лондона, она ограбила госпожу. Дело можно было бы замять, но пропали фамильные драгоценности жены Теодора, леди Лотты. Если леди Уоррен обратится в полицию, может произойти скандал. Если не обратится – через месяц-другой скандал, боюсь, станет неизбежным.

Моргана в этом не сомневалась. Леди Лотта едва ли была в восторге от свекрови. В полугодовые путешествия без веских причин не отправляются.

– Что значит «подавил волю»? Служанка созналась? Если да, почему бы ей заодно не сознаться, куда она передала добычу?

– Первой мыслью леди Уоррен было вызвать полицию. Но потом она совместно с дворецким обыскала дом. Часть пропавших вещей была найдена в комнате старшей горничной. Та, конечно, все отрицала. Но следов взлома они не нашли, окна были целы, а пропали только вещи, украсть которые могла и горничная – деньги, украшения, дорогие безделушки. Ценные бумаги остались на месте...

– Ценные бумаги сложно перепродать, – пожал плечами Уилберт.

– А продавать дорогие безделушки – дело малоперспективное, – добавила Моргана. Она с трудом представляла, как безопасно пристроить изысканное уродство вроде фамильных серебряных подсвечников. – Из украшений можно про-

дать хотя бы камни, а безделушки с вензелями ведут к дому, из которого они прибыли.

– А что с горничной? – Ламберта заботила судьба человека.

Моргана ощутила укол малопонятной тоски при мысли, что ни ее, ни Уилберта такие вопросы, очевидно, уже не трогали. Ну украла прислуга и украла.

Блэкмур нахмурился и как будто даже смутился.

– С горничной вышла не очень приятная история. Пока ее заперли в комнате и решали, вызывать ли полицию, она удавилась.

– А перед тем, как служанка удавилась, леди Уоррен, случайно, не побеседовала с ней в свойственной ей христианнейшей манере?

Вопрос Уилберта был задан таким спокойным тоном, что с равной вероятностью мог быть уточнением и издевкой. Моргана тоже вполне допускала, что старая мегера застрашала бедняжку до смерти.

– Не могу знать, – отозвался Блэкмур, помедлив несколько секунд. Вероятно, такой вариант и ему в голову приходил.

– А старшая горничная... Она давно служила?

– Кажется, что-то около двадцати лет. Собственно, поэтому леди Уоррен и подозревает инволютацию.

Моргана перевела взгляд на Ламберта – хмурого и несколько растерявшего задор – и Уилберта, чье лицо опять не выражало ничего помимо вежливой скуки.

– Несколько необычно, что леди Уоррен обратилась к вам с этой просьбой только теперь. Стоит октябрь, и, вне зависимости от вины горничной, украденное наверняка уже вывезено из Лондона.

– Доктор Беррини снова приехал и проводит сеансы, граф.

У Морганы заныло в груди. Она понимала, о чем попросит Блэкмур и, по всей вероятности, попросит именно ее.

– Кто-то из вас согласился бы пригласить его, джентльмены?

Уилберт глаза не закатил, но тон его сделался еще более ровным и вежливым, чем обычно:

– Боюсь, воспоминания об утрате отца слишком свежи для меня.

Если Ламберт и хотел возразить, то не решился. Уилберта можно было понять: доктор Беррини разрушил бы его репутацию в Сити, едва переступив порог дома. Моргана в этом отношении находилась в куда большей безопасности. Допустим, одинокий граф развлекается спиритизмом, ну не католическую церковь же он поддерживает или рабочим вопросом занимается, следует быть терпимыми к благородным увлечениям.

– Положим, моя сестра умерла достаточно давно. – Моргана надеялась, что ее голос звучит глухо и равнодушно. – Но не могу же я пригласить к себе этого шарлатана через газетное объявление. А если кто-то пустит слух, что мне нужен специалист по оккультным вопросам, я до конца жизни буду

отбиваться от этих падальщиков.

– Доктор Беррини явится на собрание через полчаса. – Анна впервые за всю беседу подала голос. Ее мягкое контральто звучало безмятежно. – У вас будет возможность взглянуть на него. Вдруг вам захочется поставить под сомнение его способности. Весьма вероятно, что после этого он сам предложит вам провести сеанс.

Все-то было продумано наперед у этой умницы Анны Блэкмур. Моргана опустила глаза, боясь, как бы чувства, имевшие мало общего с христианскими, не проступили у нее на лице. К счастью, они с братом не отличались выразительной мимикой.

– Превосходно.

2

Уилберт до сих пор не решил, был ли Морган де Монфор храбрым человеком. Тот вроде бы спокойно участвовал в дуэлях, озвучивал одно и то же – не всегда удобное – мнение разным собеседникам и не вздрагивал при резких звуках. Но в бесцветных глазах графа стоял малопонятный страх. На самом дне, не поднимаясь на поверхность, он стыл там годами и никуда не уходил. Порой Уилберта посещала неприятная мысль, что Монфор боялся не чего-то загадочного в мире, а персонально его, барона Гримвуда. Если так, он даже отдаленно не мог предположить причину. Уж кто ему не сделал

в жизни никакого зла, так граф де Монфор.

Уилберт, конечно, постарался не дать тому возможности сделать себе и никакого добра. Добро сильных мира сего обходилось недешево и напоминало не столько банк с четко прописанным, пусть и высоким, процентом, сколько ростовщика. Причем того, который может явиться в любой момент и потребовать немедленного погашения всех векселей, в довесок к подлинным присовокупив парочку поддельных. Он проходил этот урок достаточное количество раз, чтобы не нуждаться в повторении.

К тому же Монфор был другом Ламберта. И одним из немногих действительно полезных знакомств, которое могло бы помочь брату в жизни. Уилберт не имел права им рисковать. Это было второй веской причиной держаться от графа на почтительном расстоянии.

Просьба Блэкмура без малого шокировала Уилберта. Мысль, что с такой бедой можно пойти разве что к родственнику или близкому другу семьи, была и опасной, и волнующей. Уилберту, впрочем, недолго оставалось беспокоиться: он принял решение во что бы то ни стало просить руки Анны перед Рождеством. За последние три года он сумел поправить в своей жизни все, кроме происхождения. Гримвуды были и оставались ниже Блэкмуров по рождению, но солидный доход от судоходной компании и содержащееся в образцовом порядке поместье могли несколько скрасить ситуацию в глазах отца Анны. Предки Уилберта не получили

шпоры во времена Вильгельма Завоевателя, прадед держал лавку в Лимерике, а его собственное вступление в права наследства омрачил скандал, замять который удалось с большим трудом. Но все это уже было историей, и нормандское завоевание, и лимерикская лавка, и даже подлинное завещание Роберта Гримвуда. Важным было то, что Анне не пришлось бы столкнуться с проблемой сложнее выбора платья или курорта. Она бы ни в чем не знала отказа. Смогла бы по-прежнему посещать балы, если бы захотела: на этот случай у Уилберта имелся брат, способный танцевать. Барону Блэкмуру стоило только раз закрыть глаза на его происхождение, и Уилберт сделал бы все, чтобы тесть никогда об этом не пожалел.

В конце концов, он был принят в доме Блэкмуров. Будь его присутствие нежелательным, барон бы дал это понять, уж нашел бы время за три года, которые Уилберт исправно наносил визиты. Да, он не приглашал Анну на танец, но у ее отца имелись глаза, и разобрать причину было не сложно. Он не мог не понимать конечную цель его посещений.

«Если бы Блэкмур вовсе не рассматривал меня как возможную партию, то давно бы отказал мне от дома. Жестоко было бы не отказать».

Не то чтобы люди творили мало жестокости, но обычно в ней имелся хоть какой-то смысл. Издеваться над ним только из любви к процессу у Блэкмура резона не было. Уилберт сделал достаточно, чтобы такое развлечение перестало счи-

таться безопасным.

Когда речь зашла непосредственно о приглашении шарлатана в дом, Уилберт отказался раньше, чем успел просчитать долгоиграющие последствия. При его положении принять такого человека было практически гарантией потери репутации, а заработать ее стоило многого. У Монфора имела броня старой крови и старых денег, и один медиум едва ли нанес бы ему урон. Для родовитого аристократа подобное приключение могло сойти за шутку, пусть и несколько эксцентричную, или за дань моде. Одного бы даже не пожурили за то, за что другого смешали бы с грязью. Уилберт жил в этом мире уже двадцать восемь лет и прекрасно понимал, как работают такие вещи.

Монфор тоже не выказал особенного энтузиазма, но на план Анны все же согласился. Тут Уилберт испытал неприятное чувство совершенной ошибки.

Парадоксально, но он никогда не завидовал Монфору. В этом миниатюрном и очень бледном, буквально выцветшем человеке Уилберту виделось что-то печальное и, пожалуй, болезненное. И дело было не в каком-то «вырождении рода», а в самом Моргане. Он не навевал мыслей о кровосмешении, наследственном безумии и прочих потемках старинных фамилий. Просто при одном взгляде на графа Уилберту делалось ясно, что он не объект какого-либо соревнования и тем более не предмет зависти. Горе разъедало этого человека словно болезнь. Уилберт не знал ее природы, но инстинк-

тивно не хотел заразиться. Ему своих бед хватало. И он обязательно сказал бы Анне правду перед тем, как просить ее руки. Не про подделку завещания – это лежало в области прошлого и не повлияло бы на их грядущую жизнь. Но про чудовище в отражении и про то, как у него раскалывается голова от звона церковных колоколов, – рассказал бы.

Монфор, с лицом еще более замкнутым и напряженным чем обычно, вышел в общий зал. Уилберт последовал за ним, украдкой втянув воздух там, где минуту назад стояла Анна. Что-то теплое, цветочное, свойственное только ей. Тиски на висках чуть разжались. Он не понимал, как Анна это делала, но та одним своим присутствием приглушала враждебность реальности. Было бы им снова по семь лет, Уилберт бы просто стоял поблизости от нее и грелся, прикрыв глаза. Своим присутствием Анна делала окружающий мир выносимым, а отсутствием – невыносимым вдвойне. Он знал, что не повесится, если получит отказ. Но больше о дальнейшей жизни при таком обороте событий Уилберт не знал ничего и, по правде говоря, не хотел знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.